

Александр
ПРОХАНОВ

ИМПЕРСКИЙ РОМАН

УБИТЬ КОЛИБРИ

Имперские романы Проханова

Александр Проханов

УБИТЬ КОЛИБРИ

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Проханов А. А.

Убить колибри / А. А. Проханов — «Эксмо»,
2017 — (Имперские романы Проханова)

ISBN 978-5-699-95809-2

Художник-реставратор Челищев восстанавливает старинную икону Богородицы. И вдруг, закончив работу, он замечает, что внутренне изменился до неузнаваемости, стал другим. Материальные интересы отошли на второй план, интуиция обострилась до предела. И главное, за долгое время, проведенное рядом с иконой, на него снизошла удивительная способность находить и уничтожать источники зла, готовые погубить Россию и ее президента...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95809-2

© Проханов А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Проханов

Убить колибри

© Проханов А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Аркадий Иванович Челищев, художник-реставратор, сорока двух лет, имел темно-русые длинные волосы, которые, когда склонялся над картиной или иконой, перевязывал лентой. У него был открытый чистый лоб, к которому, когда задумывался, прикладывал пальцы, словно втирал непокорную неудобную мысль. Брови пушистые, слишком мягкие и женственные для мужчины. Глаза серые, внимательные, словно мир, на который они взирали, был интересен и приятен, и лишь иногда в них загорался жадный острый блеск, будто они находили в этом мире что-то необычайное и восхитительное. Нос был узкий, с нежной переносицей, с легкой горбинкой, отчего лицо казалось слегка высокомерным. Но стоило ему улыбнуться своим небольшим мягким ртом, как это впечатление пропадало.

Он был избалован заказами. К нему обращались богатые коллекционеры икон, предлагая вернуть былую свежесть и сочность потемнелым доскам, обугленным, закопченным, пробитым острым железом. Под его легкими прикосновениями на досках расцветали золотые нимбы, алые плащи, голубые хитоны, всплывали из тьмы чудесные лики ангелов, святых и подвижников.

Он реставрировал усадебные портреты, истлевшие в запасниках провинциальных музеев. Сквозь потемнелый лак, испещренные паутинами трещин, смотрели розовощекие добродушные помещики в камзолах, их верные супруги в чепцах, миловидные барышни с выпуклыми, как вишни, глазами, офицеры в мундирах, с бакенбардами и наградами, полученными на кавказских или балканских войнах. Челищев благоговел перед портретами, не давая пропасть работам неизвестных провинциальных художников, которые, казалось, благодарили его за милосердие и подвижничество.

Как-то раз он получил приглашение в Германию к известному банкиру, чья коллекция по несчастному случаю побывала в водах Рейна. Несколько месяцев, замкнувшись в особняке, Челищев восстанавливал картины Матисса, Дега и Ван Гога. Лодки на синих водах, аметистовые балерины, червонные подсолнухи. Веря в переселение душ, он повторял волшебные мазки великих художников, жил их вдохновением.

Состоятельные заказчики платили ему хорошие деньги, и он ни в чем не нуждался. Покупал одежду и обувь в дорогих бутиках. Жил в трехкомнатной квартире на Тверской, в сталинском доме. В одной из комнат устроил мастерскую, в двух других, богато обставленных, любил принимать гостей. Заказчики, доверяя ему поврежденные шедевры, банкиры, дипломаты, бизнесмены, допускали его в свой круг. Приглашали на вечеринки в дорогие рестораны, брали в путешествия на яхтах, включали в автопробеги по Европе, когда он мчался в веренице сверкающих автомобилей на своей «Вольво», пронсясь мимо живописных испанских городков, изумрудных гор и лазурных заливов. И рядом с ним всякий раз оказывалась новая прелестная женщина, загорелая и счастливая, с которой они пили терпкое вино на веранде крохотной гостиницы, глядя на желтую, театрально красивую луну.

Он был дважды женат, и его разводы были легки, по обоюдному согласию, и покидающая его жена не оставляла ему ни детей, ни разочарований, а только легкий запах духов, который еще некоторое время витал в спальне, а потом улетучивался. Он жил безбедно, полной жизнью, увлекаясь работой, иногда посещая вернисажи и модные спектакли, был любимец компаний и вполне доволен собой.

Однажды его пригласили в музей и показали икону, подлежащую реставрации. На длинной тяжелой доске была написана Божия Матерь, икона двенадцатого века, именуемая Богородица Боголюбивая. Она была ужасно повреждена. Доска отсырела и, казалось, хлюпала ржавой влагой. Живопись вздулась, краска растрескалась и готова была отвалиться. Дерево сквозило

множеством дырочек, пробуравленных жучками. Лик был в копоти, искажен поздними записями, по всей иконе с головы до пят был прочерчен, исполненный ярости, режущий след.

Челищев осмотрел икону, узнал, как ничтожен гонорар, который посулила ему директриса бедного государственного музея, и решил отказаться. К тому же его поджидала несложная и выгодная работа, картина Семирадского, на которой пышная, с розовой грудью вакханка клала в античную вазу фиолетовую гроздь винограда.

Он подыскивал деликатные слова для отказа, ласково глядя на директрису с бледным сухеньким лицом и кружевным старомодным воротником. Взгляд его последний раз упал на икону, лежащую на столе. И вдруг такую боль и раскаяние, такое сострадание и вину испытал он, глядя на обшарпанную икону с ножевым порезом, что это было похоже на ожог, близкий к сердечному приступу. Это была его мать, умершая несколько лет назад. Ему почудилось, что грязная, в струпьях, поруганная, беззащитная, она лежит в грязи под холодным дождем, и никто не приходит к ней на помощь, даже ее сын отвратил от нее свое очерствелое сердце.

Боль была так сильна, вина столь горяча и остра, что он, чувствуя жжение в груди, сказал директрисе:

- Я согласен. Беру ее в работу. Могу ли ее переправить в мою домашнюю мастерскую?
- Ее нужно беречь. Она бесценна.
- Буду беречь, как мать родную.

Когда икону с величайшей осторожностью доставили в его мастерскую, Челищев постелил на стол белую холстину и уложил на нее икону. Задернул на окне штору и зажег яркую лампу, осветившую икону белым ровным светом, каким озаряют операционные. Сел перед иконой и стал смотреть, не мигая, на руки Богородицы, которые она молитвенно простерла вперед. Наклоненную голову покрывал вишневым мафорий с хрупкими золотыми звездами. На смуглом лице темнели большие, как у лани, глаза, цвел бутон пунцового рта. Маленькие, из-под туники, стопы были обуты в красные сапожки.

Его созерцание длилось долго. Он был заморожен, оцепенел, не улавливал в Богородице признаков жизни. Она казалась плоским высохшим растением из гербария, мертвенно серебристым, с алой выцветшей головкой цветка. По мере того как он созерцал Богородицу, она обрела объем, но казалась замороженной в прозрачный кристалл льда, лежала, как сказочная царевна в хрустальном гробу, неживая, бездыханная. За восемь веков своего существования она столько людям дарила свои целительные силы, столько спасала и утешала, столько вражьих нашествий отражала, столько раз ее кидали в пожар, топили в проруби, рубили топором, полосовали ножом, что она обессилела, исчахла, умерла. Превратилась в сухой цветок, в тихую тень на доске, в бледную раду, замороженную в лед.

Челищев мучился, тосковал, оплакивал мертвую прекрасную Деву. Испытывал к ней обожание, не умел пробудить в ней робкое биение жизни. Приближал к ней лицо, надеясь уловить едва различимое дыхание. Коснулся губами ее молитвенных рук. И эти руки под его губами слабо дрогнули, от них дохнуло чуть слышное тепло. Челищев, ликуя, смотрел на Деву, которая, казалось, очнулась. Была не мертва, а лежала в глубоком сне, обессилев от нескончаемых трудов и страданий. И он, как врач драгоценного пациента, станет ее целить, поддерживать слабую жизнь, что теплится в ее измученном теле. Он почувствовал, что его бытие с этой минуты изменилось, и душа обратилась в нежданную сторону, о которой не подозревал и которая все эти годы находилась рядом, ожидая его обращения.

Неделя ушла на то, чтобы высушить доску. Он расставил вокруг иконы обогреватели, запустил вентилятор. Сухие потоки воздуха оведали икону. Дерево медленно отдавало влагу. Челищев легонько постукивал по доске, откуда глухой звук разбухших от воды волокон не сменился на звонкий, какой издает клавиша ксилофона.

С великими предосторожностями, завернув икону в белый холст, он отнес ее к знакомому доктору, работающему на томографе. Поместив доску в просторное кольцо, смотрел, как

с тихим шелестом движется кольцо вдоль лежащей Богородицы. На экране бежали разноцветные всплески и линии. Принтер выбрасывал множество оттисков, где лучи, рассекая икону, высвечивали травмы и повреждения, пустоты и вздутия, первичный слой краски и поздние наслоения.

Теперь, когда ему была ясна картина заболевания, когда диагноз драгоценному пациенту был поставлен, Челищев приступил к целению. Начал процесс реставрации.

В микроскоп он разглядывал поврежденные участки, как разглядывают больные клетки. Каждая частичка, каждая трещинка подвергались исследованию. В его осторожных руках появлялся то скальпель, то шприц, то мягкая кисточка, то влажный тампон. Он смывал нагар, срезал заусеницы и коросту, впрыскивал клеящую жидкость, возвращая ломтику краски ее перевозданную свежесть, закрепляя его на доске.

Через месяц неусыпных трудов был очищен и восстановлен небольшой участок мафория, ярко-вишневым, как кровь, на котором драгоценно золотилась звезда. Челищев в изнеможении любовался на эту хрупкую сияющую звезду.

И время исчезло. И Москва перестала быть. Шторы на окнах, выходящих на Тверской бульвар, были задернуты. День и ночь горела яркая белая лампа, под которой светилась Богородица. И как луг под солнцем, на котором отступает тень, расцветали восстановленные ткани одежды.

Челищев не заметил, как пожелтели дубы и липы Тверского бульвара, и сверкающие вихри машин неслись в листопаде. Не заметил, как начались холодные дожди, и памятник Пушкину блестел, как черное стекло, и у его подножия печально краснела одинокая роза. Не заметил, как в первых метелях затуманились ночные фонари на Тверской, окруженные бледными радугами. Не заметил, как у водосточной трубы образовалась прозрачная наледь, в которой отражались струящиеся потоки машин, и мерцал трехцветный огонь светофора. Не заметил, как окутался зеленым туманом бульвар, и в сквере на черной клумбе заалели тюльпаны. Год пролетел, поделенный не на дни и недели, а на крохотные частицы, из которых складывалась икона и которые он спасал от гибели. Частицы были кирпичиками мироздания, которому он не давал распасться.

Его труд доставлял небывалое наслаждение, словно каждый спасенный ломтик питал его неведомым блаженством, а впереди, когда труд завершится, его ожидала небывалая награда.

Когда он снял нагар с лица Богородицы, и оно засветилось нежно-медовым светом, и маленькие губы стали, как пунцовый цветок, а в глазах, длинных и прекрасных, как у лани, замерцало звездное небо, он вдруг почувствовал исходящее от иконы благоухание. В мастерской запахло розами, и он стал озираться, ожидая увидеть цветущий куст.

Он удалился от прежних знакомых, избегал встреч. Отказался от билетов на спектакли английских и французских театров, от которых сходили с ума московские театралы. Пренебрег приглашением на закрытое торжество по случаю рождения Министра культуры. Не откликнулся на приглашение недавней возлюбленной отправиться на фиесту в Испанию. Он отключил телефон, который прежде не умолкая звенел. Он обрек себя на одиночество, но не чувствовал его. Он был наедине с восхитительной Девой, и каждое прикосновение к ней, каждый спасенный от разрушения ломтик иконы рождал небывалое блаженство.

К нему в мастерскую наведалься директриса музея. Зачарованно смотрела на икону, и ее увядшее, робкое лицо порозовело нежным румянцем.

– Ваша работа, Аркадий Иванович, близится к завершению. И уже разгорается спор между музеем и монастырем, который хочет, чтобы икона была передана церкви. Но ведь они не сумеют ее сохранить. Опять варварски закоптят, заморозят, повесят в сыром соборе. Для нее требуется специальный футляр, герметичный, с регулятором температуры и влажности. А вы как считаете, Аркадий Иванович?

– Не знаю, – тихо ответил Челищев, глядя на лучистое золото звезды, и по его лицу блуждала блаженная улыбка.

Его посетила монахиня, благочинная, мать Елизавета, из монастыря, где когда-то Богородица явилась князю Андрею Боголюбскому, и тот повелел написать ее образ. Мать Елизавета, худая, с плоской грудью, иссиня-черными пылающими глазами, гибко, несколько раз поклонилась иконе. Высоким, чуть надтреснутым голосом пропела:

– Богородица Дева, радуйся. Благодатная Мария, Господь с Тобой. Благословенна Ты в женах. Благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

Обратила к Челищеву истовое долгоносое лицо:

– Вы, Аркадий Иванович, не от мира сего. Вас Господь избрал, чтобы через вас явить образ Пресвятой Богородицы во дни, когда решается, быть или не быть России. Из ваших рук пречистый образ воссияет над русской землей и отведет от нее беду. Вам теперь, Аркадий Иванович, быть при Богородице неотступно, куда бы она ни пошла. А пойдет она к нам в монастырь, где явилась благоверному князю Андрею. И вы будете при ней как келейник. Она, Богородица, нам царя укажет, и вы при ней этот знак угадаете и всему народу откроете. В этом ваше великое послушание и подвиг, Аркадий Иванович. – Мать Елизавета перекрестила Челищева. Гибко согнула тонкий стан, поклонилась иконе и вышла.

Труд его завершился. По всей Москве стояли новогодние елки, как царицы, в жемчугах, ожерельях. Деревья на Тверском бульваре были оплетены аметистовыми гирляндами, и люди шли по бульвару, как в стеклянной чаше, которая звенела морозными хрустальными.

Челищев, с перевязью на лбу, в просторной блузе, с исхудалым лицом, на котором курчавилась русая борода, смотрел на икону. Каждая частичка, каждый ломтик были согреты его прикосновениями, одушевлены его дыханием, чудесно сверкали первозданными красками. Богородица словно лежала в челне, который плыл по бескрайнему морю, среди московских снегов, новогодних елок, хрустальных деревьев.

Он вдруг почувствовал, как в мастерской исчезает воздух, вокруг иконы образуется безвоздушная пустота, она парит в синей бездне с бесчисленным мерцанием звезд. Он задыхался, терял сознание, ужасался наступающей смерти. Как вдруг полыхнул из иконы ослепляющий свет, из глубины, сквозь деревянную доску, рисованные одежды, медовый лик, оттуда, где таилось божественное умонепостижимое чудо. Свет хлынул ему в душу, и могучая радость наполнила его. Кто-то всесильный и восхитительный поднял его и держал среди ослепительных радуг, волшебных переливов, ликующих волн, на которых качались звезды. Он испытал такую радость, такое светлое могущество, такую любовь, что исчезло пространство и время, а оставалась только одна слепящая радость.

Это длилось мгновение. Опять была мастерская. Икона лежала, как остывающий слиток. А в нем продолжалась радость. Казалось, в него вселилась чудесная сила, состоялось зачатие, и он боялся спугнуть начавшийся рост, колыхание под веками шелковых радуг.

С этого дня Челищев ощутил свою сладостную зависимость от иконы, словно не он ее, а она его вернула к жизни.

Ему казалось, что от Богородицы исходят бессловесные повеления, пробуждающие в нем воспоминания, каждое из которых умиляло и восхищало его. Он вспоминал маму, молодую, красивую, в белой просторной сорочке. Перед зеркалом она расчесывала свои густые каштановые волосы, пропуская их сквозь деревянный гребень, и перед зеркалом среди стеклянных флакончиков один, в который залетело солнце, горел пленительным изумрудным светом.

Он вспоминал дачу, серый тесовый забор, на который садились бабочки-крапивницы. Раскрывали свои шоколадные крылья, и он смотрел, как дрожат их тонкие усики, похожие на крохотные булавы, и переливается шерстка на тонком тельце.

Он вспоминал вечернее окно в доме напротив, оранжевое от абажура. Иногда у окна появлялась молодая женщина. Выставив голый локоть, смотрела на переулок. Глубина комнаты за ее головой светилась таинственным и влекущим светом.

Однажды Челищеву показалось, что Богородица посылает его на улицу и просит принести сосульку, которую сбивали с крыши дворники. Он спустился во двор, подобрал голубоватую заостренную сосульку и принес домой. Положил рядом с иконой. Богородица смотрела на сосульку, в которой переливались отсветы новогодних елок.

Он проснулся ночью от внезапной тревоги. Ему показалось, что Богородица зовет его. Босиком он вошел в мастерскую, зажег свет. Икона была окружена болезненным розоватым светом, словно у нее был жар. Воздух вокруг нее воспаленно светился. Челищев увидел, что из глаз Богородицы выступили две алые кровавые слезы. Она плакала. Чувствовала близкую беду. Эта беда сулила несчастье не только Челищеву, но всем людям, всей России, которую, по словам матери Елизаветы, Богородица явилась спасти. Челищев чувствовал великую боль и страдание, которые испытывала Богородица. Чувствовал, что источник страдания находится за окном, в ночном городе, среди огромных каменных зданий, шелестящих машинами улиц, новогодних сверкающих елок. Богородица требовала, чтобы Челищев отправился в город, отыскал источник беды и его устранил. Воля Богородицы была непреклонна, торопила его. От нее исходили силы, которые указывали путь. Челищев поспешно оделся, вышел в ночь отыскивать сгусток зла, от которого веяло всеобщей погибелью.

Москва жила ночной жизнью, спрятав в спальных районах измученных за день обитателей, открыв свои рестораны, ночные клубы, театральные залы любителям увеселений, знатокам изысканных блюд, неутомимым искателям наслаждений. По белым после недавнего снегопада улицам катили дорогие машины, озаряя фарами сверкающий снег. Витрины фешенебельных магазинов восхищали голубыми мехами песцов, заморскими туалетами, золотом и бриллиантами. Вспыхивали в морозном воздухе летучие, как бенгальский огонь, вывески ночных баров и увеселительных заведений. И повсюду, на площадях, перекрестках, высились елки, как прекрасные дамы, каждая в своем наряде, в зеленом, голубом, малиновом кринолине, увенчанные драгоценными уборами.

Челищев шел по Москве, повинувшись незримым указаниям, неслышным повелениям, что посылала ему Богородица. Он был захвачен силовыми линиями, которые вели его по тротуарам, опускали в подземные переходы, перемещали из одного района в другой. Эти линии приближали его к сгусткам зла и страдания, каждый из которых мог содержать в себе вселенскую погибель. Сверкающий город таил темные туманности, как рентгеновский снимок, на котором видны болезненные затемнения.

Он проходил мимо ресторана, где гуляли грузинские воры в законе. Обмывали крупную нефтяную сделку. Сорили деньгами, уводили молодых женщин в кабинеты, возвращаясь к столам потные, с расстегнутыми рубашками. Женщины холеными пальчиками щекотали их волосатые груди, грузины сладко смеялись, и у одного из кармана модного пиджака выпал золотой пистолет.

Челищев приблизился к модному гей-клубу, над которым переливалась стоцветная радуга. Портье в дамской шубе, с напомаженными губами, на высоких каблуках раскрывал двери, в которые, покинув роскошную машину, входил известный режиссер, тучный и старый, приобняв за плечи стройного юношу. Они исчезли в сумерках холла, из которого пахло теплой распаренной плотью, тлетворным ароматом ядовитых духов.

Челищев проходил мимо ночной дискотеки. Бухающая музыка, смягченная стенами, проникала на улицу, и он чувствовал глухие толчки. В полутьме дискотеки, рассекаемая голубыми лучами, слиплась и танцевала толпа. Было так тесно, что танцоры только топтались на месте, терлись друг о друга, пьяно целовались, сотрясались внезапными судорогами. Над толпой на высоком столбе, озаренная мертвенным светом, танцевала женщина, обнаженная, вся

покрытая золотом, как волшебная богиня. Она изгибалась без усталости, выбрасывала вперед золотые ноги, извивалась, как золотая змея. Толпа пульсировала, была похожа на огромный липкий моллюск, изрыгавший цветную слизь. Брызги этой слизи, как разноцветные капли, пятнали улицу.

Челищев двигался по силовым линиям, которые были продолжением указующего перста Богородицы и подводили его к сгусткам тьмы. Но ни в одном из них, как в черном яблоке, не скрывалась личинка всеобщей гибели, не таился дракончик, готовый напасть на Россию. И Челищев, покружив у очередного злачного места, удалился, продолжая колдовское странствие по ночной Москве, среди бриллиантовых елок.

Он блуждал как во сне. Глаза его были открыты, но он спал, как лунатик. Им двигала бессловесная упрямая воля. Побуждала заглядывать в переулки, кружить по дворам, замирать под одиноким фонарем, вглядываться в померкшие фасады с редкими непогасшими окнами. В одном из таких переулков он обнаружил тюрьму. Окруженная жилыми домами, она была не видна с проспекта. Тюрьма походила на огромную, уродливую черепаху с клетчатым панцирем. За кирпичной стеной, рулонами колючей проволоки что-то вздыхало, мучилось, бредило. Оттуда веяло железом, смазанными замками, нечистым потом, жестоким насилием. Тюрьма угрюмо смотрела на Челищева, словно отгоняла прочь. Железные ворота растворились. Из них выехал грузовик с тупым стальным коробом, в котором сжалась невидимая обреченная душа.

Челищев в своих блужданиях перемещался по Москве из конца в конец, будто его переносила ночная метель. Он словно забывался, закрывал глаза, а открыв, оказывался на другом конце города, не узнавая проспектов и улиц. Перед ним высилось здание, огромное, как скала. Оно напоминало громадный футляр, в котором без огня таилось что-то живое. Вздрагивало, взбухало, опадало. Это был онкологический центр, и там, так казалось Челищеву, находилась огромная опухоль. Она медленно разрасталась, пронизанная фиолетовыми жилами, отечная сукровью. Челищев слышал дрожание бетонных перекрытий, тягучий звон металлических конструкций. Опухоль, разрастаясь, давила на стены здания, они были готовы распасться, и чудовищная липкая мякоть упадет на Москву. Вершина черного здания слабо светилась. Это души умерших, избавленные от мук, улетали в небо.

На окраине, в спальном районе, одиноко горело окно первого этажа, отбрасывая на сугроб желтую полосу. Челищев заглянул в окно и увидел, как в операционном кресле, раздвинув ноги, лежит усыпленная женщина. Хирург в забрызганном кровью халате вставляет ей в чрево стальную трубку, и кровавая жижа, в которую превращен эмбрион, хлещет в эмалированный таз.

В сгустках боли и мук, к которым приводили Челищева силовые линии, таились страшные опасности, готовые опрокинуть Россию. Но силовые линии лишь приближались к мучительным сгусткам, обтекали их, увлекали Челищева дальше.

Повинуясь безгласной воле, он вновь оказался у своего дома, на Пушкинской площади, в сквере у памятника. Бронзовый поэт, сняв шляпу, склонил голову, и легкая метель осыпала серебром бронзовые кудри, шляпу, красную розу у подножия. Челищев смотрел, как по Тверской несется сверкающий рой машин, налетает белыми водянистыми фарами, удаляется красными, как угли, огнями. Обрывается, замирает, освобождая улицу, и ей наперерез стремительно, в блеске, мчатся машины с бульваров, превращая площадь в ночной пылающий крест.

Силовые линии повлекли его в подземный переход, где торопились редкие пешеходы, и молодая, с распущенными волосами скрипачка неистово водила смычком, наполняя переход рыдающей музыкой. Перед ней лежала шляпа с монетками и скомканными бумажками.

Челищев вышел на Тверской бульвар и оказался в хрустальном лесу. Деревья были оплетены аметистовыми гирляндами. Стволы были из голубоватого льда и, казалось, слабо звенели. Пустая аллея, окруженная хрустальными деревьями, уходила вдаль, по ней неслась прозрачная метель.

У ресторана «Пушкин» останавливались машины. Швейцар в цилиндре открывал дверцы, провожал посетителей до дверей, распускал над дамами зонты. У ресторана «Турандот» горели синие газовые факелы, словно перед храмом огнепоклонников.

Челищев шел по бульвару, чувствуя нарастающую тревогу. Она витала среди хрустальных стволов, веяла над ампирными особнячками, валила, как дым, из черного здания Художественного театра. Тревога сгущалась, тяжелела, вставала, как облако, среди сверкающих деревьев. Превращалась в страх.

Челищев противился, не хотел идти, но упрямая сила побуждала его шагать. Он погружался в облако ужаса, в котором, казалось, свилось узлом невидимое чудище.

Где-то здесь рос трехсотлетний дуб, который помнил Пушкина. Но Челищев не находил его. Он стоял перед высоким зданием столетней давности с огромными окнами. Здание было черным, но два этажа ярко светились, словно там шел ночной праздник. Хрустальные стекла в плетеных рамах пылали белым светом, в котором серебрилась метель. И из этих окон веял тяжелый ужас, сводил с ума.

Сюда, к этому великолепному дому, привела Челищева Богородица. Здесь угнездило зло, которое погубит Россию. И Челищев, немощный, застывающий от холода на ночном бульваре, должен остановить это зло.

Он стоял, оцепенев, среди аметистовых деревьев, глядя на пылающие окна.

Глава 2

Квартира Евгения Генриховича Франка, главы государственного телеканала, размещалась в доме на Тверском бульваре, занимала два этажа и состояла из двух десятков комнат. Каждая комната имела свое название, отличалась особым убранством.

Зимний сад, наполненный тропическими растениями, именовался «Джунгли», в нем пахло сладковатым тлением африканских лесов, а в небольшом бассейне плавала Виктория Регия, похожая на зеленый таз, с белоснежным дивным цветком, и скользили тени экзотических рыб.

В библиотеке, носившей название «Александрийская», в стеклянных шкафах хранились коллекционные книги и рукописи. Старинные Евангелия с разноцветными буквицами. Свитки папирусов и пергаментов, разрисованных иероглифами и египетскими божествами. Желтый, перетянутый ленточкой рулончик из свиной кожи, найденный в Кумране. Здесь стоял старинный глобус, по которому Колумб прокладывал путь в Новый Свет. Пахло пеплом исчезнувших царств, костной мукой безвестных погребений.

В комнате, именуемой «Я и Они», были развешаны фотографии хозяина Евгения Генриховича Франка в обществе самых именитых людей планеты. Франку пожимали руки русский Президент и Премьер-министр. С ним обнимались гологрудые голливудские актрисы. Он припадал к руке Папы Римского. В альпинистском облачении он стоял на вершине Монблана рядом с американским миллиардером, покорителем вершин. На палубе элегантной яхты он держал огромного пойманного тунца, а рядом улыбался своими индейскими губами Президент Венесуэлы. Здесь пахло вкусными лаками дорогих рамок и кожей расставленных диванов.

Небольшая галерея современных художников именовалась «Центр Помпиду». Здесь висели Малевич, Кандинский, Энди Уорхол, современные русские мастера Виноградов и Дубоссарский. Холсты сохранили запах гуаши и масла, словно их привезли из лучших музеев мира.

В комнатах на обоих этажах было множество уютных уголков, в которых шумели, разглагольствовали, спорили и хохотали гости. Подходили к бару, где виртуозный бармен наливал им в стаканы виски, бросал серебряными щипцами ломтики льда. Иногда подвыпивший гость ронял стакан или рюмку. Стекло разбивалось. Тут же появлялся милый служитель, сгребал в совочек осколки и уносил с виноватой улыбкой.

В одном из уголков, на мягких диванах, поставив на столик стаканы с виски, расселась компания подвыпивших гостей.

– Нет, ты смотри, смотри! Смотри сюда, говорю! – главный редактор влиятельной либеральной газеты, с круглым животом, на котором расстегнулась рубашка, совал под нос своему соседу, аналитику политического центра, айфон. Показывал фотографию. – Это знаешь кто? Это бизон! Их всего десять на земле. Они в Красной книге! И одного я съел. Пятьсот тысяч евро! Ну, конечно, не всего, а самое вкусное. Знаешь, что у него самое вкусное? Глаза! Я съел глаза бизона! – Он настойчиво навязывал соседу картинку, где в огромной печи на кованом вертеле жарилась туша бизона.

Аналитик, тощий, с нервным кадыком, смотрел злыми глазами на быка, открыв перед редактором свой айфон;

– Твой бизон тьфу! Это что, знаешь? Морские черви острова Галапагос. Я их ел сырыми, прямо из лодки. У них вкус курицы, а запах лука. Ты этого не ел никогда!

– А ты ел строганину из яиц моржа? Я специально летал в Арктику, чтобы поесть яйца моржа. Сейчас тебе покажу – Он перебирал картинки в айфоне с изображением экзотических блюд.

– А я в Нигерии ел ночных бабочек. Банановый шелкопряд. Они кормятся на плодах банана. Отрываешь им жопку, жуешь и чувствуешь вкус банана! – Аналитик тыкал пальцем в айфон в поисках желанной картинки.

Они оба были подвержены страсти, которая заставляла их путешествовать по континентам в поисках небывалых блюд. Ели насекомых, волокна найденных в Якутии мамонтов, волосы обезьян, детородные органы рыб и млекопитающих. Фотографировали кушанья, наводняя Интернет чудесами гастрономии, заставлявшими вспомнить смерть капитана Кука.

– В православии ваша страсть зовется грехом гортанобесия. Чревоугодие – это когда грешник не может наестся и все ест, ест и ест. А гортанобесие – это когда слизистые оболочки рта требуют все новых и новых впечатлений. Эдак вы, люди добрые, и до людоедства дойдете! – Добродушный толстяк из «Центра Карнеги» посмеивался, наслаждаясь пикировкой приятелей.

– Православие – пагуба для России. Владимир Красное Солнышко совершил трагический для России выбор. Православие сделало Россию дряблой, ленивой и косной. Отделило от всего остального мира. Россия преодолевает православие, как застарелый рак, и медленно возвращается в Европу, – это произнес известный правозащитник, изможденный, с черными подглазьями, болезненным сверканием зрачков. – Попы, как сытые клопы, ползают по телу России, и от всей так называемой «русской цивилизации» пахнет клопами.

– Вы говорите, что ездили в Арктику, чтобы съесть семенники моржа. Вот только для этого и нужна русским Арктика. Мы не умеем ей воспользоваться, не умеем ее сберечь, не умеем овладеть Полюсом, где землю соединяет с Космосом таинственная пуповина, питающая нас чудесными космическими энергиями. Кто владеет Полюсом, тот владеет человечеством. Поэтому мировое сообщество никогда не оставит Полюс в руках русских, которые могут только ломать, сорить, отрезать семенники. Простите, не хотел вас обидеть! – эти едкие слова высказал профессор, преподающий в Высшей школе экономики. Он был сух, с брезгливым ртом, водянистыми голубыми глазами. Ему принадлежал доклад о передаче Русской Арктики под международную юрисдикцию, что вызвало бурное негодование патриотов.

Общество, которое собиралось в этом фешенебельном доме, состояло из именитых журналистов, прославленных блогеров, влиятельных политиков, экстравагантных художников и артистов. Дом посещали близкие к Президенту персоны, правительственные чиновники, законодатели мнений. Дом навещали европейские послы и гарвардские профессора. Здесь дружески встречались люди, которые публично люто враждовали друг с другом. Ненавистники Президента благодушно беседовали и пили виски с преданными президентскими приверженцами. Это было сообщество, лишь мнимо разделенное на партии и идеологии. Все были едины, принадлежали к одной популяции, действовали сообща. И хотя у них не было единого центра, общего лидера, они умели объединяться вокруг невидимой цели и поступали единодушно, словно ими управлял незримый организующий разум.

В другом уютном уголке, под высокими торшерами из оникса, сидели подвыпившие политологи из двух институтов, каждый из которых прилюдно враждовал с другим. Но здесь не было места вражде. Здесь все были свои. Понимали друг друга с полуслова.

– Наш-то Колибри совсем сошел с ума. Ударился в похождения с молоденькими балеринами. Ему в резиденцию привозят балерин из Большого театра. И он, встречаясь с ними, надевает пуанты, – маленький, с черными усиками политолог, обслуживающий партию власти, походил на Чарли Чаплина. «Колибри» в этом кругу называли Президента. Политолог покрутил в воздухе двумя пальцами, изображая пируэт.

– Стыдобища! Развелся с бабой, унизил ее перед всей страной! Ходит бобылем и плодит детей на стороне. Плодовит, как кролик штата Кентукки, – второй политолог, симпатизирующий либералам, едко изобразил пальцами кроличьи уши над головой.

– Вы все, мои милые, заблуждаетесь. Находитесь, как говорится, в прельщении, – розовощекий, с черной курчавой бородой политолог смеялся красными, как брусничный сок, губами,

стрелял черными веселыми глазами. Говорили, что за ним стоят спецслужбы, поручают деликатные операции, и он предлагает свои услуги то патриотам, то либералам, вовлекая их в тупики. – Вы думаете, что Колибри диктатор? Второе воплощение Сталина? Страшный деспот и империалист? Строитель ГУЛАГа? Все вздор! Он законченный либерал. Гедонист. Не любит работать. Любит бассейны, путешествия, прекрасных женщин. Делает себе пластические операции, и его лицо, как у восемнадцатилетнего юноши. Обожает встречи с мировой элитой. Любит богатство, дорогие часы. Не бойтесь его! Колибри, как все мы. Он милый, добрый, чудесный! Любите эту маленькую милую птичку! – Он смеялся, открывая в бороде белоснежные зубы.

Общество, которое собиралось в доме на Тверском бульваре, было неформальным клубом, откуда влияние распространялось на власть. Здесь создавались и разрушались репутации, утверждались кадровые назначения, формировались политические веяния.

Здесь, как вкрадчивые лисы, кружили иностранцы, вынюхивая запахи закулисной политики. Здесь строились сценарии русской жизни, русской игры, в которой неизменно, каждый раз побеждали либералы, обыгрывая незрелые и сырые замыслы тяжеловесных патриотов. В каждом уютном уголке дома журчали беседы, громко смеялись, язвили, принимались целовать нового появившегося гостя. В каждом уголке работал малый моторчик, сообщая движение машине российской политики. Так крохотные, верещащие центрифуги обогащают уран, который затем, помещенный в бомбу, способен взорвать страну.

Недалеко от бара, держа в руках стаканы с виски, стояла стайка международных. Молодой профессор, сын известного в свое время американиста, с негодованием морщил бледные губы:

– Ну это же невозможно! На пустом месте рассорился с Европой, с Америкой! Издержки невозможные! Опять танки, ракеты. Опять злобная риторика «холодной войны». Потенциалы несоизмеримы! Запад нас прихлопнет, как назойливую муху! Никого не слушает. Возомнил себя Бисмарком, Горчаковым! Это кончится большой европейской войной!

– Он надеется на Китай. Сует голову в пасть китайскому дракону. Дракон откусит голову и не поперхнется. Его внешняя политика катастрофична и ставит Россию на грань уничтожения! – Полный, с двумя подбородками, бывший работник МИДа сосал виски, наливаясь багровым негодованием.

– Внутренняя политика не чище. Его ненавидит общество. «Друзьям – все, врагам – закон»! Это что за манеры? Что за обращение с гражданами? Отдал своим браткам всю Россию на разграбление, а экономика стухла. Все светочи экономики и финансов остались без работы. Он тянет нас в пропасть. Русский народ не разбирается, кто добрый, кто злой. Всех под нож! Вместе с собой он тянет в пропасть всю остальную Россию.

Тут же, вслушиваясь в разговоры, стоял молодой человек с бледным, бескровным лицом, черными, с синим отливом волосами, огненными глазами, которые он гневно переводил с одного собеседника на другого. Он был пьян, в нем бушевало негодование. Побледневшие губы дрожали, пытаясь что-то сказать. Это был активист политической партии, которая недавно потеряла вождя, убитого при неясных обстоятельствах в центре Москвы.

– Надо добиваться честных и свободных выборов! Я недавно разговаривал с министром юстиции США, – маленький, с короткой шеей и плоской, словно расплющенной, головой юрист попытался вставить суждение. Но темноволосый молодой человек прервал его, чуть ли не оттолкнул гневным взмахом руки:

– Как мне надоели ваши сопли! Какие честные выборы! Какая свобода! На дворе диктатура, политические убийства, террор! Все конституционные средства исчерпаны! Террор на террор! Только пуля! Только одиночный выстрел! Только герой, подобный народовольцам! Не все трусы, разглагольствующие о свободных выборах! Не все бараны, ждущие, когда им по горлу полоснут ножом! Я сделаю то, что не в силах сделать вы! Я испущу трусость и беспо-

мощность скотов! – молодой человек задыхался, хватался за грудь. Казалось, у него из горла вот-вот хлынет кровь. Его обнимали, успокаивали:

– Федор! Не надо! Везде есть уши! Вы, Федор Кальян, многообещающий политик. Вас надо беречь. Возможно, именно вокруг вас сплотятся, наконец, демократы!

Его унимали. Он жадно глотал виски, проливая напиток на рубаху.

В комнату, окруженный взволнованными гостями, вошел невысокий человек, плотный, ладный, с небритой щетиной, крепким лбом, под которым блестели шальные глаза. Он был в пиджаке и рубахе-косоворотке, какие раньше носили фабричные рабочие. В руках у него была гитара, на которой он небрежно тренькал.

Это был знаменитый Штырь, рок-певец, исполнитель матерных песен, завсегдатай дорогих вечеринок, на которых он эпатировал великосветских гостей отборным сквернословием. За это ему платили бешеные деньги.

Теперь он явился исполнить новую песню, о которой завтра разлетится молва как об очередном шедевре Штыря.

Штырь встал посреди комнаты, брэнчал на гитаре, созывая слушателей. Те подходили из соседних комнат, образуя широкий круг.

– Нашему Соловью-Разбойнику заздравный кубок! – восторженно воскликнул толстогубый режиссер экспериментального еврейского театра. Поднес Штырю стакан виски, и тот залпом выпил, по-народному крякнул, отер рукавом мокрые губы.

– Просим, Штырь, просим! Накидай нам херов!

Певец пьяно улыбался, словно ждал, когда хмельная волна накатит и зажжет под потолком в люстре ночное солнце. Крутанул головой, рванул струны и хрипло, с клекотом, надрывно запел, закатив глаза так, что остались одни жуткие белки:

Спасите Бога ради,
В Кремле засели .....!

Все ахнули. Качали головами, закрывали от наслаждения глаза. Штырь рвал струны, хрипел, дрожал от ярости. На шее вздулись синие жилы. Вот-вот порвутся, и слепая кровь хлестнет на паркет, забрызгает костюмы, белые манжеты, смеющиеся рты.

Ты, главный наш начальник,
Не разевай .....!

Штырь рыскал глазами, словно искал, кого бы пырнуть. Он был лихой разбойник, отпетый хулиган, лагерный урка, которому не впервой совать в бок финку, пускать «красного петуха» и смотреть из темных полей, как занимается красное зарево. Гости были в восторге. К ним явился человек из народа, воплощение народного бунта, русский дикарь, который на время оставил свою разбойную ватагу и пришел сюда, в этот великосветский дом, принеся с собой запах паленого.

У нас одни вопросы,
Во власти.....!

Гости испытывали наслаждение. Этот народный бунтарь был неопасен. Был приручен. Его привели в дом на цепочке, как дрессированного зверя. Он скалил зубы, пугал, хрипел раскаленной глоткой. Выхаркивал жуткие слова. Но его угрозы и хула были не страшны. Не касались этих высоколобых политологов, изысканных эстетов, удачливых коммерсантов. Они

были готовы платить большие деньги, чтобы испытать мгновенный ужас перед бунтарем и тут же убедиться, что тот не опасен.

На церкви позолота,
А в ней одна .....!

Эти последние слова Штырь выдохнул, словно из его разъятой пасти полыхнул синий огонь. Сплюнул на пол и стоял, устало улыбаясь, кивал хлопающим гостям. Черноволосый Федор Кальян безумно притоптывал, мотал головой, приговаривал:

– Бить! Бить! Бить!

Глава 3

В комнатах этажом выше было спокойнее. Не так многолюдно. Еще один бар светился бутылками, стеклом, умелый бармен раздавал напитки. В комнате под названием «Медуза» под голубым потолком висел огромный розовый светильник, напоминавший пышную медузу. И все, кто становился под светильником, окрашивались в голубой и розовый цвет.

На кресле перед стеклянным столиком, на котором золотился бокал с шампанским, сидела молодая женщина. Тихо улыбалась, полузакрыв глаза. Эта улыбка, слегка насмешливая, была обращена к мужчинам, которые проходили мимо и заглядывались на ее открытые плечи и глубокий вырез в шелковом платье, на высокую белую шею с платиновой цепочкой, на ложбинку груди, в которой мерцал изумрудный кулон, на короткую, с золотым отливом стрижку, открывавшую затылок и маленькие розовые уши с каплями изумрудов. У нее было свежее, чуть продолговатое, с тонким носом лицо, красоту которого замечали проходящие мужчины. Замедляли шаг, словно хотели подойти, но, чего-то пугаясь, проходили мимо. А она, зная, что ей любуются, не поднимала глаз, тихо улыбалась, положила руку на открытое колено, играла высоким каблуком.

Женщину звали Ольга Окладникова. Она была арт-критик и явилась в великосветское общество по приглашению хозяина дома Евгения Франка. Здесь предстояло художественное действо, намечалось представление известного художника-акциониста, представлявшего свою новую «магическую» мистерию. Евгений Франк покровительствовал художнику и заказал Ольге рецензию для «Метрополитена». Приготовления к «магическому» акту шли в соседнем зале, двери которого были плотно прикрыты.

Ольга томилась долгими приготовлениями. Ее утомляла вечеринка, тянувшаяся далеко за полночь. Помимо нее здесь были другие женщины – рьяные журналистки, специалистки по элитам, правозащитницы, жены именитых политиков. Они, подобно мужчинам, яростно спорили, язвили. Как агрессивные вороны, расклевывали подброшенные мужчинами проблемы.

Ольга не приобщалась к ним. Ее улыбка, открытое колено, движение обнаженного плеча были исполнением роли, которую она привыкла играть на подобных приемах. Мужчины судили и рядили о политике, официанты разносили напитки, а женщины служили украшением вечера, как живые цветы в вазах.

Она увидела, как к ней приближается гость, держа стакан с виски. Мужчина был в сером неприметном костюме, с белесыми выцветшими волосами, бесцветными губами и осторожными движениями человека, не желающего быть заметным. Его голос был тихий и шелестящий:

– Ольга Андреевна, вы не помните меня? Я был в гостях в вашем доме в Берлине. Мы были знакомы с вашим мужем Кириллом Степановичем. Какой прекрасный был человек, несравненный специалист по экономическому моделированию. Его так теперь не хватает.

– Мне тоже его не хватает, – Ольга старалась вспомнить стоящего перед ней человека, но тот был столь невзрачен и неприметен, что напоминал прозрачную тень.

– Вы прекрасно выглядите, Ольга Андреевна, – произнес человек, приподнимая стакан.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась Ольга, провожая взглядом удалявшегося гостя. Тот сделал несколько шагов и бесследно растворился, словно и впрямь был тенью.

Ольга старалась вспомнить это зыбкое лицо, которое тонуло среди множества лиц, появлявшихся в их с мужем квартире на Фридрихштрассе. Муж, гораздо старше ее, увез юную жену в Берлин, где читал лекции в университете и занимался еще какими-то делами, мало понятными Ольге. В число этих дел входило содержание богатой квартиры, где раз в неделю встречались ученые, отставные военные, дипломаты, люди неясных профессий, с лицами, напоминавшими только что отошедшего гостя. Ольга не вникала в дела и знакомства мужа. Была

украшением салона. И все свободное время страстно колесила по Европе, посещала музеи и картинные галереи, слушала лекции известных искусствоведов и философов искусства. Познакомилась с самим Гройсом, теоретиком «Большого стиля», который подарил ей свою нашумевшую книгу. Когда муж внезапно умер, к ним на квартиру явились представители немецких спецслужб. Вежливо опросили Ольгу. Забрали стопку деловых бумаг мужа и его рабочий компьютер. Так кончилось ее краткое замужество, напоминавшее туристическое путешествие.

Второе состоялось почти сразу вслед за первым. Ее мужем стал известный композитор, писавший музыку для московских театров, телевизионных программ и кинофильмов. Он был очаровательный говорун, любимец богемы, знаток дорогих ресторанов. Ввел Ольгу в театральное и музыкальное общество, представил телемагнатам и знаменитым продюсерам. С эстрады звучали посвященные ей песни.

Но очень скоро вино и возбуждающие порошки и таблетки привели его в клинику. Там, в перерывах между курсами лечения, он писал наркотическую музыку, отвергаемую театрами. Он ушел из семьи, написав Ольге прощальное письмо, в котором винился и просил его забыть. Исчез за границей. Ольге говорили, что иногда в провинциальных городах Америки появляются его неудачные мюзиклы.

Ольга снова осталась одна, молодая, бездетная, искушенная общением с разведчиками и божественными музыкантами. На даче одного влиятельного чиновника она познакомилась с генералом Окладниковым. Немолодой вдовец стал за ней ухаживать и вскоре сделал предложение.

Теперь она была генеральшей, и это ее забавляло. Она ценила мужа, ценила его деревенские корни, его заботу о ней, положительный, слегка пресный нрав. У них были разные интересы, но общий дом на проспекте Вернадского, в котором Ольга создала уклад, созвучный привычкам мужа. Генерал часто пропадал в командировках, Ольга иногда писала статьи об искусстве в немногочисленные элитные журналы. И сладостно вспоминала то чудесное время, когда носилась по автострадам Европы, посещая Прадо, Уффици, Лувр. Впитывала восхитительные мысли кумиров философии и искусства.

Она увидела, как к ней приближается хозяин дома, телемагнат Евгений Франк. Одетый в просторную малиновую блузу, в распахнутой рубашке апаш, он улыбался толстыми губами, отчего жирные безволосые щеки разъезжались, маленький лоб морщился, круглые глаза сжимались в рыжие щели. Его черные волосы ниспадали до плеч, и было видно, что он их завивает. Каблуки его башмаков были выше обычного, и он слегка вихлял бедрами, манерно растопырив пальцы рук. На лице его проступали синеватые тени, словно следы родовых пороков, которые он унаследовал от развращенных предков.

– Здравствуй, моя генеральша! – Он приблизился и поцеловал Ольгу руку. – Твоя красота год от года наливается новой силой и женственностью. Поедем в Ниццу, поплаваем на яхте с друзьями?

– Зачем я тебе, Евгений? Ведь ты в своей утонченности преодолел грубые мужские страсти.

– Ты будешь статуя на носу корабля. Французские моряки, завидев тебя, станут отдавать честь.

– Я семейная женщина. У меня муж. Он любит, когда я утром подаю ему завтрак.

– А прежний твой муж не был таким скрягой и собственником. Ты была свободной. Жаль, что его нет с нами. Некому заказать хорошую музыку. Он понимал толк в психоделике. Представление, на которое я тебя пригласил, нуждается в наркотических звуках. Искусство – это всегда извращение.

Франк посмотрел на закрытые двери зала, где шли последние приготовления. Его ноздри втянули воздух, словно улавливали приторные дуновения. Отбросил манерным движением прядь, как женщина отбрасывает локон.

– Что нас ожидает? – Ольга кивнула на дверь.

– Это великий художник, великий маг Строгаило. Я все это время держал его в тени, но сейчас я даю ему свет. Он составит славу русского искусства. Хочу, чтобы ты о нем написала.

– В чем его гениальность?

– Ты помнишь прелюдию к сочинской Олимпиаде? Помнишь это явление из морской пучины Града Китежа? Когда вдруг всплыли стоцветные купола, шатры, колокольни. Волшебный град поднялся из черных глубин и полетел к небесам. Это была притча о Русском Чуде. О сокровенном обетованном граде, который всплывет из глубин истории и озарит чудесным светом всю русскую жизнь. Эту мистерию задумал Строгаило.

– Я помню, было очень красиво.

– Ты не поняла. Это было Русское Чудо. Он выкликал Русское Чудо. И оно явилось. Это Чудо – возвращение Крыма. Строгаило силой магического искусства вернул России Крым!

– Это твоя трактовка? Твой домysel? – Ольга недоверчиво всматривалась в пухлое, с синеватым оттенком лицо Франка. Франк слыл мистификатором, интриганом, опасным шутником, вовлекавшим в свои шалости множество степенных людей. Эти доверчивые простаки после завершения шутки выглядели обманутыми простофилями. Над ними смеялась пресса, смеялись сослуживцы, смеялось общество, в глазах которого они приобретали репутацию дураков. Ольге казалось, что Франк дурачит ее.

– Ты не поняла! Это лишь отчасти искусство. В большей степени это оружие. С помощью этого оружия можно управлять историей, менять ход исторических событий, обманывать историю, овладевать ею. С помощью этого оружия можно поднять революцию в Америке, распустить НАТО, присоединить Аляску к России.

– И это оружие ты разместил в своем доме? – Ольга кивнула на закрытые двери зала.

– Строгаило своими тайными знаниями, своей волей, силой своего искусства создает ловушки для времени, роет медвежьи ямы истории. Заманивает историю в эти ямы, и та проваливается, бьется в этих ямах, выкарабкиваясь, меняет свой ход. Все великие революции, военные походы, переселения народов были подготовлены магами, будь то еврейские пророки или эллинские философы. Строгаило изучал древние практики в Тибете, на Ближнем Востоке, в урочищах удмуртских шаманов.

– Ты хочешь сказать, что сейчас мы увидим нечто, что изменит ход истории? Быть может, развяжет новую русскую революцию?

– Как знать, как знать, – загадочно произнес Франк, сжав глаза так, что брови наехали на толстые щеки и лицо превратилось в ком голубоватого теста.

– Скорей бы это увидеть!

– Ждем приезда Феликса Гулковского. Ему это надо знать!

Феликс Гулковский был богатейший человек России. Один из немногих, стоявших у истоков российской власти, кто остался на плаву. Не канул в безвестность, не бежал от преследований, не покончил с собой, не прошел заточение и опалу. Он по-прежнему был приближен к Президенту, числился в его близких друзьях, влиял на его решения.

На первом этаже послышались гомон, громкие голоса, шум ступавших по лестнице ног.

– Кажется, Феликс! – Франк кокетливо отбросил с виска черную прядь, повернулся на каблуках и поплыл встречать гостя.

Феликс Гулковский был высок, болезненно худ, брит наголо, до стеклянного блеска. На лбу пролегалo несколько продольных морщин, какие бывают в нотной тетради. Черные выпуклые глаза отливали странным золотым блеском, какой бывает на ягодах черной смородины. Нос был велик, заострен, с розовым пятнышком на конце, словно был оснащен прибором, прокладывающим владельцу маршрут. Тонкие губы двигались, перед тем как то ли зло оскалиться, то ли сложиться для слащавого поцелуя. Он имел победоносный вид не знавшего поражений полководца. Одни подобострастно бросались навстречу, чтобы пожать ему руку. Другие

издали кивали в надежде, что будут замечены. Третьи из углов мерцали телефонами, стараясь запечатлеть звезду российского бизнеса и политики.

Франк кинулся ему на шею, и они картинно обнялись.

– Заждались тебя, заждались! – нарочито фамильярно говорит Франк, обнимая Гулковского за тощую талию.

– Ну где тут твой распрекрасный маг? Вечно у тебя аттракционы!

И они вошли в распахнувшиеся двери зала.

Гости проследовали за ними, растекались вдоль стен. Ольга стояла в тесноте, ожидая начала действия.

Посреди просторного зала стояло прекрасное дерево, живое, из тропических лесов, с глянцевиной пахучей зеленью. Благоухало эфирами, душистыми смолами, свежестью леса. Голой спиной к дереву стоял человек, маг и художник Строгаило. Волосы его были собраны в косицу. Босые, с крепкими икрами ноги упирались в стеклянную плиту. Из-под древесной коры исходили полупрозрачные трубки, шланги, круглились сосуды. Липли к спине мага с помощью присосок. У человека и дерева была единая кровеносная система, гуляли общие соки. К солнечному сплетению был подведен прозрачный шланг, напоминающий световод. Он завершался наконечником, который подходил к небольшой клетке с крохотной прыгающей птичкой. Птичка перескакивала с одной жердочки на другую, нарядно сверкала оперением, была размером с бабочку.

Возле дерева горела спиртовка, над ней в небольшом котле кипела и пузырилась вода. Громоздились плетеные корзины.

Дерево и человек были окружены стояками, между которыми тянулись струны из жил, висели морские раковины, медные бубенцы, скорлупа кокосовых орехов, обручи с туго натянутой кожей.

Все это напоминало Ольге наивную бутафорию, которой сопровождалась надоевшие перформансы.

– Господа, – Евгений Франк хлопнул в ладони, останавливая шелест и говор. – Вы присутствуете при магическом сеансе, во время которого маэстро Строгаило сдвинет земную ось. Постарайтесь не попасть под сдвиг земной оси. Может стать больно.

Из древесной листвы на пол выпали две полуголые скакуньи, шлепнули о паркет босыми стопами. Запрыгали, мотали хвостами волос, плескали голыми грудями. Они издавали истошные вопли. Кричали тоскливо, как морские чайки. Выли, как воют под луной волчицы. Стенали, как кошки в брачный период. Блеяли, как испуганные овцы. Начинили раскачиваться, исторгая булькающие звуки, подобные дождю или бегущей воде.

Ольга смотрела на плясуний с недоверием. Это была дурная пародия на языческие камлания, безвкусная копия шаманских игр.

Колдуньи подскочили к стоякам и стали рвать натянутые воловьих жилы, дуть в морские раковины, трясти бубенцы, щелкать кокосовой скорлупой. Мучительная, тоскливая музыка наполнила зал. От нее у Ольги заняло в груди, стали останавливаться в глазницах глаза. Она почувствовала ледяной холод, который сменился жаром. Казалось, музыка улавливает ритмы дыхания, биение сердца, пульсацию кровяных частичек. Музыка вычерпывала из тела душу, отделяла ее от плоти, гоняла эту беспомощную душу, как гоняют голубей, не давая им сесть. Ольга чувствовала, как мертвеет лишенное души тело, как остывает оно.

Крохотная птичка билась, ударялась о клетку, мерцала пестрым опереньем.

Маг, окруженный трубками, глубоко дышал, словно вдыхал летающие по залу души, питаясь ими. Наливался, увеличивался в размерах, казался надувным великаном.

Плясуньи оставили воловьих струны и бубенцы. Кинулись к кипящему котлу, стали черпать ковшами кипятка и плескать на дерево. Ошпаренная листва дрожала, мучительно трепетала, скручивалась. Зал чувствовал страдание дерева, вздыхал, постанывал. Трубки, соединя-

ющие человека и дерево, наполнились мутным светом. Словно страдание дерева переливалось в мага. Мышцы на его спине бугрились от боли.

Он напрягался, хрипел, скалил зубы, терпел пытку.

Дрогнула мышцами живота, и от солнечного сплетения по световоду полетела белая плазма, вырвалась из наконечника и ударила в птицу. Та упала, стала биться, взлетала и снова падала.

Колдуньи плескали на дерево кипятком.

Казалось, было слышно, как дерево стонет. Боль дерева передавалась магу. Тот дышал, хрипел. Дрожал животом, напрягая солнечное сплетение. Гнал по световоду белую плазму. Стрелял ею в птицу, и та, с дымящимися перьями, жалобно пищала, билась, падала на дно клетки.

Ольга ужасалась садистскому зрелищу. Тело под одеждой горело, будто ядовитая плазма обжигала ее.

– Боже, да ведь это Колибри! Это Президент! Он убивает Президента! – кто-то охнул за ее спиной.

Колдунья выхватила из корзины бензопилу. Завела ее с рыком. Подскочила к дереву и стала пилить. Пила звенела. Дерево наклонялось. Из него по трубкам огненными толчками била боль. Спина мага страшно бугрилась. Он ахнул, выдыхая в световод всю жуткую нестерпимую муку. Плазма прокатилась по световоду и ударила в птицу. Та упала на дно клетки и дымилась.

– Да что же это такое! – раздавалось среди гостей. Ольга обморочно держалась за стену, торопилась из зала на воздух.

Когда представление завершилось и гостей поубавилось, в удаленном кабинете уединились Евгений Франк и Феликс Гулковский.

Гулковский повертел пальцем, указывая на потолок и на стены. Спросил:

– Как тут у тебя?

– Все чисто. Полная изоляция, – успокоил его Франк.

– Все-таки так будет лучше, – Гулковский достал айфон, извлек из него аккумулятор, положил обесточенный айфон на стол. – Ну и что значат все эти фокусы с мертвой птичкой?

– Ты слишком рационален, Феликс. Не веришь в магическую силу искусства.

– Пока все, что мне удавалось, я достигал без магии.

– Я знаю, что после предшествующего сеанса у Колибри был страшный радикулит, который вывел его на неделю из строя.

– Просто он переусердствовал в постели со своей балериной. Радикулит – профессиональная болезнь танцоров.

Они сидели, два партнера, два могущественных человека России. Телемагнат, который управлял умами, подавлял волю, сеял страхи, веселил, ошеломлял, погружал в наркотическое оцепенение страну. Миллионы людей, уткнувшись в телеэкраны, сосали из стеклянных корыт разноцветное пойло. И баснословный богач, банкир, собственник нефтяных полей, золотых рудников, оборонных заводов. Управлял экономикой, разорял конкурентов, возводил города, был дружен с финансистами мира. Был из тех, кто когда-то привел Президента в Кремль и уцелел среди опал и гонений. Союз этих двух владык обеспечивал им господство.

– Ты спокоен за Совет Федерации? – спросил Франк. – Разговаривал с дамой?

– Даме я обещал гардероб императрицы Елизаветы Петровны и бриллианты Алмазного фонда. Ей безразлично, какой Президент станет любоваться ее туалетами.

– А Премьер? Мне кажется, это слабое звено.

– Этот уязвленный гордец с телом младенца и глазами злой стрекозы мечтает отомстить Колибри за все унижения. Он его ненавидит.

– Армия?

– Начались массовые увольнения высших офицеров. Министр знает, что ему присвоят маршала и отправят на пенсию. А ему еще хочется повоевать всласть в Сирии.

– ФСБ? Это его братство, его «орден меченосцев».

– Они в моем бизнесе. Я дал им нефть, порты, инвестиционные банки. Они перешли в мое братство, мои меченосцы.

– Губернаторы?

– Эти жирные свиньи не спят ночами, ждут, что их арестуют. Они хотят избавиться от этого кошмара. Я показал им список тех, кто на очереди. Сказал, что в Лефортово спешно освобождают для них лучшие камеры.

– Дипломаты?

– Старая черепаха, которую он гоняет по миру, сказала мне, что Колибри разрушил все, что с таким трудом создавала русская дипломатия. В МИДе его презирают.

– Бизнес-сообщество?

– Крупный бизнес оскорблен тем, что все лакомые куски он отдал своим друзьям. Остальным объедки. Ему не забыли, как он расправился с теми блестящими бизнесменами, кто привел его к власти. И я не забыл!

– Оборонщики? Он их кормит с ладони.

– Оборонщики разобщены. У них нет партии, нет лидера. Нельзя же считать лидером этого напыщенного павлина?

– А церковь? Он сделал для нее очень много.

– Церковь лишена благодарности. Следующая власть сделает для нее еще больше.

– Кажется, мы пробежали по всей клавиатуре. Ничего не забыли?

– Какая-нибудь клавиша обязательно даст сбой, и возникнет фальшивый звук. Ты заглушишь его ревом своих телепрограмм.

Франк смотрел на высокий лоб Гулковского, на длинные линии нотной тетради, куда черным фломастером хотелось вписать несколько нот. Среди них притаился фальшивый звук. Тот, что превратит стройную симфонию заговора в какофонию катастрофы.

Случившийся полгода назад шуточный разговор с Гулковским, напоминавший остроумную игру, в которой они, как забаву, разыгрывали сценарий заговора, план дворцового переворота, – этот необязательный разговор превращался в реальность. Обрастал именами, связями. Затягивал в себя Франка, и тот, как муха, залетевшая в сладкую банку варенья, тонул в липкой гуще, был не в силах выбраться.

Он не раз в бессоннице перебирал примеры государственных переворотов в России. Стрелецкий бунт при Петре, который завершился зверскими казнями на Красной площади. Восстание декабристов, которое кончилось виселицей в Петропавловской крепости.

Заговор Тухачевского, когда к стенке были поставлены тысячи генералов и офицеров. ГКЧП, когда горстку жалких неудачников, словно овец, хворостиной погнали в Лефортово.

Все эти заговоры составляли череду провалов, в которую он, умный, осторожный, удачливый, достигший вершин благополучия, помещал теперь свою судьбу. И Франк, глядя на властное, с гордым носом, лицо Гулковского, искал повода, чтобы сообщить ему о своем отказе.

– Теперь послушай, каков окончательный план, – Гулковский перешел на шепот, так что Франк понимал его только по движению шипящих губ. – Через два месяца – пятнадцать лет, как Колибри стал Президентом. Мы устраиваем великолепное торжество в одном из дворцов, еще не знаю, в каком. Ты даешь представление, какую-нибудь очередную мистерию, можешь с магами, можешь с ведьмами, ну ты это умеешь. Мы приглашаем Колибри. Он не может отказаться. Приезжает. Мы заводим его в кабинет, отсекаем охрану и требуем, чтобы он написал отречение.

– Отречение? Бумагу?

– Перед камерой он обращается к нации. Благодарит народ. Благодарит Парламент. Благодарит Совет Федерации и Правительство. Ссылается на болезнь. Он выполнил свой долг перед Россией. Предотвратил распад, победил в Чеченской войне, освободил Южную Осетию и Абхазию, присоединил Крым. Он возродил оборонную промышленность, сделал лучшие в мире самолеты и подводные лодки. Одним словом, поднял Россию с колен. Но он устал, как раб на галерах. Просит, чтобы его отпустили. Оставили наедине с любимой женщиной, природой, книгами, Господом Богом. Все это он произносит перед камерой, и ты транслируешь его отречение на страну. Создаешь восторженный вихрь благодарности, воспеваешь его, нарекаешь самым великим государственным деятелем России. И все это без пальбы, без танков на улицах, без арестов, без дурацких комитетов общественного спасения. Передача власти в интересах ненаглядной России!

– И в это поверят?

– Патриарх станет благословлять его под колокольный звон. Сенаторы станут аплодировать стоя. Депутаты Думы предложат назвать его именем проспект в Москве. Остается назначить преемника. Того, кто подхватит тяжелую ношу государства Российского.

– И кто же этот преемник?

– Может быть, русский царь? В России давно созрел монархический проект. Царя избирает не надоевший Парламент, не продажный сенат, а народ. «Выберите царя из народа своего» – так сказано в Библии.

– И этот царь ты?

– Господи! – расхохотался Гулковский. – Да разве я похож на русского царя?

Он откинул назад библейскую голову, выставил свой увесистый нос с розовым пятнышком, картинно воздел брови, властно выпятил подбородок. Сверкнул чернильными с золотым отливом глазами.

– Нет, не похож, – сказал Франк. – Ты скорее Габсбург.

Франк тосковал. Его засасывал заговор, и не за что было ухватиться, не было под ногой опоры. Липкая воронка втягивала его в свою бездну, и гвардейцы вели на плаху измученного пыткой стрелца, и качались на невском ветру пять мертвецов, и шагали по коридорам Лубянки генералы с лампасами, ожидая пулю в затылок.

– А если Колибри откажется? – тоскливо спросил Франк.

– Пистолет к виску! – безжалостно произнес Гулковский. – Он трус. Боится смерти. Боится боли. Боится участи Каддафи и Саддама Хусейна. Он предпочтет остаток жизни провести на роскошных вилах, которые мы ему оставим. На Черном море, на Валдае или в Швейцарских Альпах. Он сибарит, любитель сладкого.

– Но ведь в России уже отрекались цари и вожди. Отречение Николая кончилось чудовищной гражданской резней. Отречение Горбачева кончилось крахом страны. Колибри замкнул на себе все связи, все управление, все рычаги. Он замковый камень государства Российского. Убери его, и рухнет весь свод, и мы погибнем под глыбами.

– Мы устраним этот камень так искусно и деликатно, что свод уцелеет. Удалим один камень и тут же вставим другой.

– Царь? – пролепетал Франк.

– Боже, царя храни! – фальшивя, пропел Гулковский. Вставил аккумулятор в айфон и поднялся.

И все шел, волочил перебитые ноги стрелец, не в силах дойти до плахи.

Глава 4

Ольга Окладникова знала, как опишет магическое действие, умерщвление птахи, волхование кудесника, на которого рухнуло подпиленное «Древо познания Добра и Зла». Она в совершенстве владела птичьим языком арт-критиков, которые, прибегая к запутанным сплетениям слов, создавали иллюзию элитарного мира, куда вход был избранным.

Ольга торопилась покинуть фешенебельный дом, изнуренных ночным общением гостей. Спешила отмахнуться от множества сказанных друг другу незначительных слов, среди которых ускользала от разума важная цель, собравшая вместе именитых, умных людей.

Она раздумала: вызывать ли такси? Ей хотелось подышать ночным воздухом. Обменялась легкомысленным поцелуем в щеку с хозяином дома Франком. Подставила плечи под норковую шубу, которую галантно держал какой-то дипломат. Спустилась на старомодном скрипучем лифте в вестибюль, где горел витраж – рукоделие Врубеля. Охранник смотрел на экраны камер наблюдения, кивнул ей, выпуская наружу. И, толкнув тяжелую, с зеркальным стеклом, дверь, она выскользнула на улицу.

Тверской бульвар ослепил ее аметистовыми гирляндами, хрустальным блеском деревьев, прозрачной метелью, сквозь которую мчались ночные машины.

Ее дыхание туманило волшебный бульвар, каждое дерево превращалось в сказочную радугу. Ольга стояла, зачарованная, играя этими радугами, разбрасывая по бульвару драгоценные перья.

Ей хотелось пройти по чистому наметенному снегу, сквозь метель, от которой начинала серебриться ее шуба. Она вышла на бульвар и увидела стоящего человека.

Он стоял одиноко среди белизны и блеска. Стоял давно, потому что следы, которые он оставил на бульваре, были занесены снегом. Он был в длинном пальто, с небрежным шарфом, в меховой съехавшей шапке. На шапке, шарфе, пальто был уже снег. Его худое лицо окружала золотистая бородка, а глаза были широко раскрыты, сияли, отражали блеск ночного бульвара, зеркальный аметист волшебных деревьев, серебро летящего снега. В них было все восхитительное великолепие московской ночи. Глаза и в ночи были синие, смотрели замороженно, с обожанием. Не мигали, словно увидели чудо.

Ольга вначале испугалась одинокого человека, но потом блеск этих восторженных глаз развеселил ее. И она, продолжая свою забаву, дохнула на человека, превратила его в разноцветное перо. Перо погасло. Снова, запорошенный снегом, стоял человек.

– Вы так на меня смотрите. Мы разве знакомы? – спросила она.

– Смотрю. Да, знакомы. Конечно же, нет. Но кажется, что знакомы. Я стоял, ждал. Были опасения. Но теперь исчезли. Вы так на нее похожи!

– На кого? – спросила Ольга, угадывая в человеке блаженного. Но это не отпугнуло ее, а напротив, показалось забавным. – Хотите сказать, что ждали меня?

– Ждал, ждал! Нет, конечно, не ждал. Ждал не сегодня, не в этот вечер. Может быть, всю жизнь. Вы так на нее похожи!

Это был Челищев, который набрел на зловещий дом, смотрел на горящие окна, за которыми чудились злые тени. Но вместо злых теней перед ним возникла прекрасная женщина, опустилась из метели, из фиолетового московского неба. И он стоял, лепетал, боясь, что видение исчезнет.

– Она послала меня. Я плутал. То тюрьма, то грузинские воры в законе. Столько страданий, столько зла. Она велела мне обнаружить черные тени, указала на дом. Я думал, она меня привела к теням. А она меня к вам привела. Сказала: «Стой здесь, и придет!» И пришла!.. Вы пришли!

– Да кто она? О ком вы?

– Она драгоценная, чудотворная, неопишуемой красоты. Как вы! Она явилась князю Андрею. На перепутье. Из Киева в Московское царство. Переплывал из одного русского царства в другое. На иконах русские люди переплывают из одного царства в другое. На пути во Владимир явилась князю Андрею. Велел написать ее лик. Она вся осыпалась, погибала. Спасал ее целый год. Ожила от моего поцелуя. Послала меня искать. И я нашел. Вас! – Он говорил, сбиваясь и путаясь, боялся, что она испугается его бормотаний и уйдет, растворится в блеске и ночном серебре. Он старался ее удержать: – У нее малиновое одеяние и золотые звезды, символ Вселенной. На вас серебряные звезды этой московской ночи.

Ольга не думала уходить. Ее завораживали неясные бормотания. Чудилась таинственная судьба, одержимая доля, небывалое знание, с которым ей не приходилось встречаться.

Они покинули бульвар и шли по ночному городу, где были неузнаваемые площади и проспекты. Город казался высеченным из разноцветного льда. Не было домов, а высились прозрачные вершины, розовые, зеленые, золотые. Ледники загорались и гасли, словно бестелесные духи перелетали и зажигали во льдах цветные фонари. В небо возносились синие ледяные реки и рушились хрустальными водопадами. Тянулись ввысь прозрачные стебли, в которых текли волшебные соки. Распускались в небесах небывалые ледяные цветы. Искусный стеклодув выдувал великолепные вазы, изысканные сосуды, хрустальные блюда. Расставлял драгоценные сервизы, над которыми вдруг всходило огромное золотое солнце собора, лучистый, перекинутый через реку мост. И в реке, в черной воде, дрожало алое отражение, плыла льдина, и на ней стояла ночная околдованная чайка.

– Кто вы? Как вас зовут? – спросила Ольга.

– Аркадий. Аркадий Иванович. Челищев.

– Я Ольга. Чем вы занимаетесь? Целуете чудотворные иконы?

– Я коснулся губами. Пальцев рук. И они были теплые. Она была живая.

Его худое лицо выражало благоговение, синие глаза сияли восторгом. Ольга подумала, что прежде не видела людей, столь искренне и глубоко выражавших свои чувства. Сами чувства были возвышенны, исходили из глубины души.

– Она разбудила меня среди ночи и послала в ночную Москву, чтобы я отыскал сгустки зла. Я их находил, приближался к ним. Испытывал страдание и беспомощность. Столько несчастий, столько несправедливостей. Мучают, обманывают, ведут на казнь, морят голодом. Мир должен был бы погибнуть, если бы в нем побеждало это зло. Но существует заступница, Небесная царица, с любящим сердцем, которая так нас любит, что спасает землю, спасает род людской.

Они прошли арбатскими переулками, тихими, белыми, с одинокими фонарями. Миновали Садовое кольцо, шелестящее огненной пургой. Вышли на Тверскую, где каждое здание напоминало пламя.

– Вы такая красивая, добрая, чудная. Все, кто с вами рядом, спасутся от зла, исцелятся от болезней, обратятся к добру.

Ей было удивительно слышать это о себе. Человек с восторженными синими глазами, казалось, молится на нее, принимает ее за кого-то другого, наделяет чертами божественной женственности. И это выдавало в человеке блаженного, он увлекал ее своим безумным обожанием.

– Хотелось бы взглянуть на эту икону.

– Мы рядом с моим домом, с моей мастерской. Мне неловко вас приглашать. Одинокий мужчина, едва знакомы. Вы можете подумать недоброе.

– Отчего же? Вы меня не пугаете. Я хотела бы взглянуть на икону.

Они прошли глубокий двор сталинского дома, уставленный автомобилями. Челищев на связке ключей отыскал ключ от парадного. На лифте они целую вечность возносились на верхний этаж. В прихожей Ольга почувствовала, как пахнули запахи чужого жилища, – лаков,

душистых смол, красок. Это были запахи медикаментов, которыми реставратор лечит своих пациентов.

Они разделись. Челищев принял у Ольги шубу, сунул куда-то ее кожаные перчатки. Когда зажег свет и пропустил ее в комнату, она увидела беспорядок, книги на столе, на полу, чашку недопитого чая, множество кисточек, пинцетов и скальпелей. В соседней комнате в сумерках плохо застеленная кровать.

– Чаю! С мороза! Я сейчас! – заторопился Челищев.

– Нет, нет. Покажите икону.

Он подвел ее к закрытой двери. Впустил в мастерскую. Зажег лампу. Ровный свет залил длинный стол, и на нем, занимая почти всю длину, на белой холстине лежала икона. Она была золотая, как слиток. Богородица возлежала на золотом ложе. Светились ее вишневые и голубые покровы. Лицо было медовым, с маленьким алым ртом и глазами, в которых мерцало звездное небо.

Ольга замерла перед иконой. Ей казалось, звучит едва различимая музыка. Так шелестит море, или шумит лес, или звенит дождь.

Столько людей изливали иконе свои страдания и мольбы. Стольким покаяниям и слезам она внимала. Стольких она утешала, спасала от безумия, целила от неизлечимых болезней.

Ольге хотелось поведать иконе свои горькие чувства о бессмысленно проживаемой жизни, о несбывшихся желаниях, необретенных знаниях, о страстях, которые переносили ее из одной стихии в другую, не давали счастья. Ей хотелось поведать все это иконе не словами, а дыханием, прикосновением губ.

– Можно ее поцеловать?

– Поцелуйте.

Она приблизила губы, чувствуя сквозь закрытые веки золотое сияние. Поцеловала Богородице ноги в алых сапожках. Икона была холодной. Не откликнулась на ее поцелуй.

Ольга испытала разочарование.

– Я пойду. – Она направилась в прихожую.

– А как же чай?

– Уже поздно. Второй час. Меня ждет муж.

Она сама надела шубу.

– Не провожайте.

Он слышал, как стукнула дверь лифта, закрипели медлительные колеса, уносили от него чудесную женщину, которая исчезла, как негданное чудо.

Он вдруг наткнулся на ее забытые перчатки. Вынесся раздетый на улицу. Ее не было. Тверская призрачно полыхала, летели ночные машины.

Челищев стоял на морозе, прижав к губам перчатки. Слышал тонкий аромат духов.

Глава 5

Давно перевалило за полночь. Два друга, два генерала засиделись в застолье перед овальной, похожей на прозрачную флягу, бутылкой Камю. Редко подливая душистый коньяк в толстые стаканы, осторожно, двумя пальцами, снимали с блюда дольки лимона.

Армейский генерал Владимир Дмитриевич Окладников принимал у себя дома генерала ФСБ Игоря Степановича Макарцева, с которым подружился на первой Чеченской войне, в самые горькие ее дни. С тех пор обоих, получивших по несколько контузий и ранений, развела судьба. Окладников служил в войсках ОДКБ, в контингенте российских частей, которые вместе с армянами, казахами, киргизами, белорусами и таджиками создавали вооруженный костяк коллективной обороны. Макарцев ушел в спецслужбу, боролся с кавказским террором, искал его следы в Центральной России, постепенно расширяя круг своих поисков. Оба виделись редко и теперь наслаждались ночным неторопливым общением, когда их воспоминания витали среди одних и тех же ущелий, военных колонн и лазаретов.

У Окладникова было большое лицо, какое бывает у степняков, долгие поколения живших среди открытых пространств. Твердые внимательные глаза с легким азиатским разрезом, внезапно утрачивали свою волевую прямолинейность, в них селилась печаль. Сухие плотные губы, привыкшие к повелительным командирским окрикам, вдруг умягчались, в уголках рта появлялись неуверенность и смущение, губы начинали чуть заметно дрожать.

Макарцев был невысок, с гибкими неуставшими мышцами, узким лисьим лицом и пытливым заостренным носом. Глаза, прищуренные, казалось, постоянно смеются, словно окружающая жизнь выглядела смешной и забавной. Но вдруг эти рыжеватые бегающие глаза останавливались, наполнялись фиолетовой тьмой, словно прозревали далекую приближавшуюся опасность.

Окладников поднял плоскую бутылку, долил в стаканы коньяк:

– Давай, Игорь, третий. За тех, кто больше не с нами.

Они поднялись, два немолодых генерала. Их лица опечалились и посветлели. Не касаясь стаканами, выпили и еще некоторое время стояли, словно ожидали, когда кто-то невидимый покинет комнату.

– Капитан Кожемяков вдруг перестал улыбаться. То анекдоты травил, смех по всему гарнизону. А то вдруг перестал улыбаться. «Товарищ капитан, где ваша фирменная улыбка?» – «Чувствую, что скоро убьют». Вещи упаковал аккуратно, письмо жене написал, ее фотографию спрятал, и повел бронегруппу на Толстой Юрт. Там их всех и пожгли. Кожемяков, когда мы подошли, лежал у БМП обгорелый, рот полный крови, и улыбается. – Окладников тихонько тронул кромку стакана, словно отсылал «третий тост» отдельно капитану Кожемякову.

– На блокпосту стоял со мной прапорщик Зуйков. Ну ты помнишь, тощий, «р» не выговаривал. Его дразнили: «Сдвавствуй, дууг!» Мы машины вместе досматривали. Подкатывает «семерка», за рулем один бородатенький. Мне идти неохота. Я говорю: «Сдвавствуй дууг», пойдешь посмотри в багажнике. Открыл багажник, а оттуда рвануло, все кишки наружу. А ведь это он мой взрыв на себя принял. – Глаза Макарцева наполнились фиолетовой мглой, будто он видел ту мокрую, изгрызенную снарядами дорогу, бетонные плиты, среди которых медленно виляли машины, и автоматчики в вязаных шапочках заглядывали под капот и в багажник.

– А этот, как его, майор из роты связи? – Окладников потирал лоб, пытаясь вспомнить. – Ну этот, предатель, который чеченцам наши маршруты указывал. Как его звали?

– Липко.

– Точно, Липко. Это он Кожемякова под гранатометы подставил. Его судили, десятку впаляли. А я бы его расстрелял!

– Он недолго сидел. На зоне его удавили. – Глаза Макарцева, казалось, смеялись, но в них густела фиолетовая мгла. – А помнишь, ходили под Автуры? Ходжаева, полевого командира, гоняли? Позывной «Мансур». Из гаубиц долбили, штурмовиками молотили, вертолетами утюжили. Спецназ бросали. Нас на проческу кидали. Ничего. Только бинт нашли окровавленный. И представляешь, года через три присутствую на совещании в Грозном. Чеченские силовики с нами. И этот самый Ходжаев улыбается, руку тянет. Теперь генерал полиции.

Окладникова бесшумно окатило время, хлынувшее вспять, с тех дней, как солдатом был брошен в Чернобыль, в эту стенающую прорву, и, кашляя в респиратор, срезал лопатой отравленный слой земли, швырял в грузовик. С тех пор не снимал военную форму, кочуя по гарнизонам, зализывая раны на теле страны.

– А где жена? Где твоя Оля? Час-то не ранний. – Макарцев посмотрел на большие стенные часы, где стрелка приближалась к двум. – В такое время жены дома бывают.

– Должно быть, в гостях засиделась. У нее свой круг, свои друзья. Журналисты, актеры, художники. Я для них чужой. У них свой образ жизни. Я понимаю Ольгу.

– Жена должна быть дома. Муж, дети, хозяйство.

– Но у нас нет детей, Игорь. – Губы Окладникова едва заметно задрожали.

– Прости, Володя.

– И от первой жены, от Гали, Царство Небесное, не было детей. Это меня Чернобыль обжег, всех моих деток спалил.

– Прости, Володя, – Макарцев смущенно потупился, винясь за свою бестактность.

– Галя скончалась, думал, уже не женюсь. Память ее не хотел оскорблять. И вот вдруг встретил Ольгу. Я ее люблю. Она для меня отрада. Она добрая, светлая, беззащитная. Она мечется, как на невидимую стену бросается, словно хочет разбиться. Ей дети нужны, а я не могу. В этом наша беда.

– Не ты ее должен беречь, Володя, а она тебя. Ты военный, все время в поездках. Она твой дом должна охранять. Чтобы ты был спокоен. А она бог знает где носится, – не выдержал Макарцев и снова спохватился, не сумев скрыть свою неприязнь.

– Она образованная, книжек больше меня в тысячу раз прочитала. Я же простой оренбургский парень. Отец – сельский учитель, мать – бухгалтер. А она профессорская дочка. Ей нужны умные знакомые, с кем можно поговорить об искусстве. А со мной только о боевом применении войск на Среднеазиатском театре военных действий. Зачем ей это? – Окладников улыбнулся, и глаза его стали печальны, исполнены нежности.

– Куда в командировку? – Макарцев перебил друга, не желая видеть его большое сильное лицо беззащитным.

– В Таджикистан. Там тревожно. Участились прорывы из Афганистана. Таджики сами не справятся. Да и в Казахстане, в Киргизии не легче.

– Ты считаешь, на этом направлении грохнет?

– Не обойтись без войны. Как бы вновь не пришлось создавать Туркестанский военный округ.

– Отовсюду убежали, как зайцы. А теперь возвращаемся. Опять русская кровушка польется, – зло произнес Макарцев.

– А когда она литься переставала?

Оба замолчали. Будто каждый помещал себя в грядущие сражения, оставляющие кровавые мазки в азиатских горах и пустынях.

– Ну а твое направление? У тебя тоже все мутно? – Окладников посмотрел на друга, чье лицо заострилось в постоянных рысканьях, а глаза обманчиво смеялись, скрывая болезненную, как при бессоннице, усталость.

– Понимаешь, какое-то предчувствие. Что-то назревает, а трудно понять, что. Конечно, все эти азербайджанские рынки, таджикские стройки, чеченские и дагестанские сборища –

они кишат исламистами. То одно подполье зачистишь, то другое. И они опять плодятся. Это как при лесном пожаре. Один очаг возгорания погасишь, а вместо него два других. Но не это тревожит.

Макарцев всосал воздух, словно хотел остудить больной зуб.

– Что-то кругом собирается, как гроза. Какая-то дымка, какая-то муть. Что-то в ней вырисовывается и пропадает.

– Я и говорю, кругом муть. Гнилью пахнет. Своровали страну, и все мало. Управлять не умеют, все запарывают. Россия, как деталь драгоценная, которую нужно бережно обрабатывать, по микрону вытачивать, чтобы с чертежом совпала. А они то стружку толщиной в палец, то станок останавливают. И так везде, в любом министерстве, в любой конторе. Не понимаю, почему их Президент терпит? Ждет, пока станок сломают или деталь запорют?

– Президент осторожен. У него нюх. К нему на стол записки ложатся, доклады. Его предупреждают. Я знаю, есть план большой реформы, большой чистки. Губернаторов будут менять, министров, Госдуму, Совет Федерации. Крупный бизнес стреножат, заставят деньги в казну нести. Другая экономика, другая политика, другая элита. Они все это чувствуют, к чему-то готовятся. Кто кого? Кто первый? Президент или элита, которую под нож? Как его будут свергать? Как спецслужбы свергали Кеннеди? Или как военные Эрдогана? У нас в спецслужбах предателей нет. Думаю, и у вас, армейцев.

– Военные с Президентом. Мы с государством. Нас, военных, столько раз подставляли! И в Вильнюсе, и в Тбилиси, и в Афганистане, и ГКЧП, и Ельцин в девяносто третьем. Военные не участвуют в заговорах. Мы за государство. У нас впереди не одна война за Россию. Мы в Сирии воюем, никак не закончим.

– Да и я так считаю. Но где-то есть гнездо змеи. Есть оно, есть, а где, не знаю! – Снова глаза Макаргева наполнились затмевающей тьмой, в которой, как в фиолетовой туче, что-то сверкало и меркло.

В прихожей хрустнул замок, хлопнула дверь. Через минуту Ольга, свежая, с мороза, с глазами, полными ночных огней, скользнула в комнату. Изумленно и радостно оглядела мужчин.

– Боже мой, сидите, как сироты, за пустым столом! Какая же я хозяйка! Сейчас вам мяса зажарю!

– Спасибо, я уже уйду, – сухо произнес Макарцев, глядя вкось, боясь показать свою неприязнь.

– Милый Володечка, ты меня извини, такая уж я суетная женушка! Засиделась! – Ольга обняла мужа за шею, поцеловала в висок, и большое лицо Окладникова умягчилось от нежности, и он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть руку, обнимавшую его шею.

– Представляете, я была на квартире у Франка. Роскошная, из ста комнат, и каждая имеет название. «Медуза», «Версаль», «Морской грот». Это там, где ракушки и аквариум. Публика самая знатная, все элитарная Москва. – Ольга звенела голосом, перебирала подробности вечера. Осторожно заглядывала в глаза мужу, нет ли в них упрека и недовольства. Но Окладников, поймав ее руку, холодную от мороза, не отпускал, целовал длинные пальцы. – Что, холодная? – спросила она. – Где-то перчатки забыла. Да, вот эта квартира!

– Это не квартира, а штаб-квартира, – хмыкнул Макарцев. – Они приходят туда, чтобы получать указания. Их получают за вечер, а потом всю неделю, каждый по-своему, на своем месте, в газете, в театре, в аналитическом центре, костерят матушку Россию.

– Неправда, там милейшие люди. Быть может, самые лучшие и талантливые в России. Нельзя подозревать всех и вся!

– В чем же их таланты? – Окладников чувствовал неприязнь Макаргева к Ольге и винил себя. – Что там было интересного?

– Там выступал Штырь со своей новой песней.

– Должно быть, опять похабщина?

– А как же относиться ко всей пошлости и мерзости, которая вокруг расцветает? Еще там давал представление известный художник-акционист Строгаило. О нем я напишу статью в «Метрополитен».

– Строгаило был уличен в педофилии. Едва избежал тюрьмы. Опять приделал газовую горелку к чреслам?

– У вас завидное знание современного искусства, Игорь Степанович. Это входит в круг ваших профессиональных интересов?

– Хотелось бы, чтобы не входило. Но само просится.

– Ну и что же, Оленька, этот Строгаило показывал? – Окладников не хотел, чтобы между женой и другом завязалась обычная распря. – Что за представление?

– Он маг. Управляет силами природы и Космоса. Он извлекает из Космоса энергии и наполняет ими свое дыхание, свою волю. Он собирает энергию деревьев, трав, цветов, звезд, морских раковин. Эта энергия в нем концентрируется. А потом он выбрасывает из себя эту энергию. Она обладает огромной силой. Он говорит, что может прошибать дыру в бетонной стене, сбивать самолеты и ракеты. Может на расстоянии, через океан, убить человека. Говорит, что его искусством интересуются военные и спецслужбы. Да, Игорь Степанович, и спецслужбы, в той степени, Игорь Степанович, в какой они вообще способны воспринимать прекрасное. Все это представление обставлено символами. Живое дерево, колдуньи, ритуальные песнопения, африканские колдуны, удмуртские шаманы. Я хочу написать об этом статью: «Искусство как разрушающий и созидающий фактор», – Ольга с торопливой веселостью рассказывала, старалась, чтобы в ее рассказ не просочился волшебный блеск аметистовых деревьев, таинственное золотое ложе, на котором лежала божественная женщина, странный человек с золотой бородкой и огромными голубыми глазами, смотревшими на нее с восхищением.

– И что же он поразил, ваш Строгаило? Баллистическую ракету или подводную лодку?

– Он убил колибри. Удар разрушительной энергии, как молния, вонзился в колибри и умертвил бедную птаху.

– Колибри? – переспросил Макарец.

– Конечно, это жестоко. Жестоко убивать беззащитную пташку. Но современное искусство содержит в себе элемент жестокости. Как, впрочем, и вся наша жизнь.

– Ну, я пошел. Уже поздно, – сказал Макарец, вставая. – Я не хочу задерживаться и привносить в ваш дом элемент жестокости.

Ольга и Окладников провожали его до дверей. Макарец покидал дом друга, чуть слышно приговаривал: «Колибри, колибри», – будто пытался что-то вспомнить.

Окладников лежал в полутемной спальне, глядя на прямоугольник света в открытых дверях. Слышал, как шелестит вода в душе. Представлял, как Ольга стоит под мерцающими струйками, поворачивает плечо, поднимает белый локоть. По ее груди, животу, ногам струится вода. Он сладостно ждал ее появления.

Вода перестала шелестеть. Стало тихо, и он знал, что она накинула на плечи розовое полотенце. Ее гибкие медлительные движения. Она поднимает ноги, ставит их на край ванны. В запотевшем зеркале туманится ее отражение.

Дверь ванной открылась, и возникла она в наброшенном на плечи халате, поправляя на затылке волосы. И пока, босоногая, она входила в спальню, сбрасывала на спинку стула халат, ложилась, дохнув на него запахом шампуня, Окладников чувствовал, как любит ее, какое счастье, что она с ее женственностью доступна, приближается к нему, и сейчас она ляжет рядом с ним, колыхнув кровать, и ее прохладная рука коснется его груди.

– Ты здесь? Ты еще не спишь?

Она недвижна, бездыханна, не жива, словно хочет спрятаться от него, страшится, отталкивает своим холодным бесчувствием. Он целует ее, вдыхает в нее свое тепло, обожание, свою

умоляющую нежность, пока не дрогнет в ней слабая жилка, не раздастся едва ощутимый вздох. Они вместе, неразлучны, нераздельны, им страшно расстаться, он летит вместе с ней в жаркую тьму, успевая изумиться своему несказанному счастью, чуду их близости, этой жаркой волшебной тьме, в которой плавятся все различия, все образы, все имена. Они рушатся в ослепительную глубину, в которой бесследно сгорают их отдельные жизни, превращаются в бестелесный свет. Медленно остывают, как раскаленные слитки, обретают имена, отдельные дыхания, отдельные биения сердца. Он лежит, не касаясь ее, испытывая такую к ней нежность, такое блаженство, благодаря кого-то за эти мгновения счастья.

– Ты не спишь? – спросил он.

Она молчала.

– Знаю, не спишь. – Он угадывал, что глаза ее в темноте открыты. Протянул к ней руку, коснулся лба, мягких бровей, хрупкой переносицы, щеки. Щека была в слезах.

– Ты опять, все о том же?

Она молчала. Он касался ее губ, слыша, как они вздрагивают.

– У меня никогда не будет детей. Неужели я бесплодна? Пустоцвет?

– Ты знаешь, что это не так.

– Мне скоро тридцать пять. Я хочу иметь детей. Мальчика, девочку. Я ношусь впустую по вечеринкам, по вернисажам, по модным спектаклям. Столько никчемных знакомств, столько пустопорожних слов. Хочу сидеть дома с детьми. Растить, лечить, тормошить. Чтобы мы поджидали тебя из твоих командировок, и дети кидались тебе навстречу, ты хватал их на руки, целовал, а я любовалась вами. Неужели ничего этого не будет?

– Ты ведь все знаешь, родная.

– Мне часто снятся дети, маленькая белокурая девочка с прозрачной розовой кожей, и мальчик, еще маленький, но с крепкими кулачками, веселыми глазами. Они целуют меня. Я чувствую во сне их запах, тепло их губ. Я знаю, это мои нерожденные дети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.